

ВИТАЛИЙ ИВАНОВ

КРФМЛЕХ

18+

Виталий Иванов

Кромлех

«Автор»

2026

Иванов В.

Кромлех / В. Иванов — «Автор», 2026

Не события ломают людей. А то, кем они в них становятся...В деревню приходит нечто, вскрывая в людях все самое темное. Пятеро отправляются к кромлеху, надеясь остановить это. Но дорога меняет их раньше, чем они доходят...

© Иванов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Кромлех

Глава

Спасибо Катерине, Капе и Илье
за то, что помогли дойти до Кромлеха.

*Не события ломают людей. А то,
кем они в них становятся.*

I. Спина

Гевелет обернулась и увидела его спину. Плечи были слегка наклонены вперед, будто он нес не огонь, а решение. Рука с факелом двигалась уверенно. Он шел, не замедляя шага и пламя тянулось за ним, словно знало, за кем ему следовать.

Гевелет его не окликнула. Еще не понимая, зачем. Шаги удалялись спокойно, будто за спиной оставляли не человека, а просто место в которое больше не собирались возвращаться.

Проем еще был — освещенный камень по обе стороны. И эта узкая полоска выглядела надежно. Затем свет дернулся. Пламя вытянулось и исчезло. Отвесная каменная дверь рухнула туда, где мгновение назад был проход. Она рухнула чистым, тяжелым ударом, от которого воздух вздрогнул и тут же застыл. Как будто пещера сомкнула челюсти.

Тьма пришла не как сумерки, а как одеяло, наброшенное на голову. Глухая и тяжелая. Она накрыла Гевелет целиком, лишив не только зрения, но и чувства пространства. Стены и пол пропали. Осталась только темень.

Несколько мгновений Гевелет просто стояла. Внутри было пусто. А затем пришла мысль: Это случайность. Он сейчас вернется.

Гевелет сделала шаг к тому месту, где был проход. В памяти еще держалась узкая полоска света. Она почти чувствовала ее кожей, а в голове еще гремел тяжелый удар двери.

Гевелет протянула руку. Почувствовала, как та вытянулась в пустоту, но не увидела ее. Пальцы наткнулись на холодный гладкий камень. Гевелет медленно провела ладонью по нему — в сторону, вниз, вверх. Он был цельным. Ни швов, ни трещин. Ничего, за что можно было бы зацепиться. Дверь не просто закрылась. Она стала стеной.

Гевелет сделала еще шаг, ощупывая то ли стену, то ли дверь. Она уже не понимала что именно. Потом шагнула снова. Тьма сгустилась и замерла. Теперь мир состоял только из нее.

— Вернись, — сказала Гевелет.

Голос прозвучал требовательно, но хрипло и глухо. Будто это произнес кто-то другой, пользуясь ее ртом. Она замолчала, ожидая ответа. Хоть какого-то звука: голоса, кашля или шороха. Где-то глубоко, не слухом, а кожей пришло понимание, от которого стало холоднее, чем от камня:

Если дверь опустилась так легко, ее для этого и создали.

И если свет ушел вместе с ним, значит, света здесь быть не должно.

Гевелет убрала руку от стены. И впервые допустила эту мысль. Ту самую, от которой отводят глаза.

Дверь закрылась не случайно.

Тьма молчала. В этом молчании и в этой мысли было слишком много ужаса.

— Вернись! — сказала Гевелет громче, пытаясь заглушить собственные мысли. Но они, как назойливые мухи, снова возвращались.

— Вернись!

Сердце забилося чаще, толчками отдаваясь в груди. Воздуха стало мало.

И это был не первый раз когда ей не хватало воздуха, но это было впервые настолько удушающе. Грудь сжималась и каждый вдох давался с трудом. Будто сама тьма проникала в легкие.

Гевелет стала дышать глубоко и медленно, сдерживая панику. С каждым выдохом это удавалось.

Тьма коварна. А мысли в ней мрачные. Она пугает и только.

Гевелет повторяла это как заклинание.

Он ищет способ открыть дверь. А мне нужно ему помочь.

Она осторожно вела ладонь по камню, нащупывая неровности, стыки.

Нужно найти щель или рычаг. Хоть что-то. Дверь это всего лишь дверь. Она открывается.

Внутри возникло тепло. Тонкое, почти неуверенное.

Все еще можно исправить. Свет вернется. Нужно лишь подождать.

Но Гевелет не нашла ни щели, ни выступа, ни следа механизма. Камень отвечал ей одним и тем же — холодной, глухой не податливостью.

Она уперлась ладонями в стену и напрягла плечи, словно собираясь сдвинуть ее с места, как тяжелый сундук или опрокинутую телегу.

Но камень не шелохнулся. Она отступила на шаг и перевела дыхание. В груди неприятно кольнуло. Уже не страх, а раздражение, резкое и сухое.

Может, он ушел за подмогой?

Гевелет подняла ногу и пнула стену носком сапога. Не со злости, а скорее, как проверяют лед на прочность.

Удар отозвался глухо и пусто, будто камень проглотил его, даже не заметив.

Она нахмурилась и пнула снова чуть в стороне.

Здесь должно быть хоть что-то.

— Ну же... — прошептала она сквозь зубы, не понимая, кому говорит. Камню, двери или ему.

Гевелет снова уперлась в камень и напряглась всем телом. Под кожей собиралась злость, кровь шумела в ушах. Она ударила сапогом в третий раз. Уже не проверяя, а бросая вызов. Боль отдалась в пальцах. Она сжала кулаки. Внутри что-то треснуло. Мысль не ворвалась, а просочилась:

Эта дверь создана, чтобы закрываться...

Гевелет замерла. Не от страха, а от ясности.

Он меня не потерял. Он меня здесь оставил.

— Ты ошибаешься. Ты устала. Ты паникуешь, — шепнула она себе.

Но шепот становился тише. Дверь молчала. Тьма тоже. Камень под ладонями оставался холодным и равнодушным, словно все это его не касалось. И вдруг пальцы зацепились за что-то мягкое, рыхлое.

Мох.

Он поддавался и рвался под ногтями, оставляя на коже холодную влагу. Гевелет сдирала его яростно, без причины. Под мхом камень оказался шероховатым, неровным. Она провела по нему ладонью и снова ударила.

Дыхание ее сбилось. Воздух стал горячим и плотным, будто его приходилось проталкивать сквозь грудь. Камень не сопротивлялся и не уступал. Он просто был. А Гевелет била его, пока ладони не заныли.

Затем боль поднялась выше: в запястья, в локти, в плечи. Она не останавливалась. Тьма молчала. И в этом молчании каждый следующий удар становился сильнее.

Гевелет снова ударила камень. Боль вспыхнула узкой точкой как укол. Будто металл врезался в кость. Она сжала пальцы, ударила еще раз. То же самое.

Гевелет отдернула руку и поднесла к груди. Пальцы дрожали. Теплая и влажная кожа была содрана. И только тогда она нащупала его. Перстень сидел плотно. Палец под ним распух и горел. Она попыталась повернуть его. Потом стянуть. Металл не сдвинулся ни на крупицу.

Наконец она замерла. Не потому, что стало легче, а просто кончились силы.

— Вернись, — сказала Гевелет тише.

Ладони жгло, словно от крапивы.

Она прижалась лбом к холодному камню. От него тянуло сыростью. Пальцы все еще цепляли влажные клочки мха.

— Нет здесь никакой травы! — хрипло крикнула она, не поднимая головы.

Слова вырвались сами. Она коротко и зло усмехнулась:

— Здесь только гребаный мох. Обычный мох.

Гевелет с силой сорвала еще пучок и швырнула его куда-то в темноту.

Она медленно опустилась на колени. Камень под ними был холоден.

Руки ее дрожали как после тяжелой работы, когда тело еще не понимает, что все кончено. Она обхватила колени и прижала их к груди. Горло свело, а воздух вошел неровно, со звуком. И вдруг Гевелет коротко рассмеялась. Смех вышел сухим и оборванным. Будто кто-то поперхнулся. Он тут же сорвался во всхлип. Гевелет уткнулась лбом в колени. Плечи дрогнули. Затем еще раз. Рыдания пришли не сразу. Сперва мелкая, злая дрожь.

— Ты поверил им... — сказала она тихо.

Слова застряли. Она повторила, громче:

— Ты поверил им, а не мне.

Воздух входил рывками. Она крепче сжала колени.

— Ты...все-таки...поверил им. А не мне...

Смеха не было. Только вывод. Слезы наконец пошли. Горячие, тяжелые.

Камень, тьма и молчание. Все осталось прежним. И именно это было невыносимо. Она попыталась выпрямиться и не смогла. Тело не держало себя. Тогда она опрокинулась на спину. Камень ударил под лопатками холодом и жесткостью.

Каждый вдох был как царапина.

Она раскрыла рот и вышел звук. Длинный, сорванный. Гевелет выгнулась, упираясь пятками в пол.

Слова ее рассыпались. Остался только звериный вой. Она ударила ладонью по камню. Рука скользнула по сырости, по мху.

— Ты...

Выдох оборвался.

— Ты...

Слова не пришли.

Она захохотала вдруг. Резко, с надрывом. И тут же захлебнулась этим смехом. Слезы текли без усталости.

Гевелет повернула голову, прижалась щекой к камню. Дыхание сбивалось.

Тот, чью спину она знала.

Тот, за кем шла, не глядя под ноги.

Тот, от кого этого не ждут.

Она застонала и закрыла лицо руками.

— Ты повери...им... — вырвалось снова, уже обломком.

В ее истерике было все: пронзительные вопли, злобное рычание, бессмысленный смех, кашель.

Она лежала так, не зная, сколько времени. Камень под спиной перестал ощущаться. Остались только жжение внутри и пустота, в которой все важное оказалось по ту сторону двери.

Постепенно вой сошел на хрипы. Хрипы на всхлипы. Всхлипы на редкие, болезненные вздохи. Боль. Такая грязная, животная, без достоинства. Гевелет не двигалась, а слезы текли беззвучно. Когда вернулась тишина, в ней не было утешения. Только ясность. Холодная, как камень.

Постепенно дыхание выравнивалось. Медленно, с усилием. Воздух входил глубже, но грудь все еще ныла. А жжение сменилось тяжестью.

Гевелет лежала с открытыми глазами. Темнота не менялась. Мысли возвращались осторожно и больше не спорили друг с другом.

Если бы это было ошибкой, он бы звал. Стучал.

Но по ту сторону двери стояла ровная тишина. Гевелет повернула голову и прижалась виском к камню. Холод остался холодом.

Значит, он ушел, потому что так решил.

Мысль не ударила, а легла сверху. Тяжелая и неподвижная. Гевелет втянула воздух и задержала его на несколько ударов сердца.

Гевелет лежала, пока тупая тяжесть в спине и плечах не заставила ее шевельнуться. Она перевернулась на бок, подтянула колени и оперлась ладонью о камень. Поднималась медленно: сначала на колени, затем на ноги, держась за стену. Камень был на месте.

Она зашагала. Двигалась вдоль стены, не отрывая ладони и считая дыхание.

Пол под ногами был неровным, но устойчивым. Он не пытался ее уронить.

Гевелет остановилась. Постучала костяшками по камню. Звук был коротким и глухим. Она повторила сильнее. Затем ударила ладонью.

И медленно пошла дальше. Не в поисках выхода, а просто вдоль стены.

Вдруг она без радости усмехнулась.

— Псина... — сказала негромко, словно плюнула.

Пока тело шло, разум оставался без дела. И тогда слова выходили сами.

Не крик, не обвинение. Обесценивание.

Слова повисали в темноте. Гевелет сделала еще несколько шагов.

— Образина собачья, — добавила тише, почти устало.

В этих словах не было злости. Только сухость и отстраненность. Как будто она говорила не о человеке, а о сломанной вещи.

Гевелет встала и прислонилась лбом к камню, закрыв глаза. Потом пошла дальше, не отрывая ладоней от стены. В движениях не было злости или спешки. Лишь необходимость идти и понимать, где она находится.

Камень под рукой менялся едва заметно: то гладкий, то крошащийся, то цепляющий кожу. Вскоре стена повернула. Гевелет уперлась в угол ладонью, провела по стыку, надавила, ощупала — ничего. Она повернула и пошла дальше. Пол оставался ровным, без уклона и ступеней. Гевелет остановилась и постучала по стене костяшками. Прислушалась. Постучала по другой стене. Звук был одинаково глухим. Ни пустот, ни отголосков.

Она шла дальше, пока снова не наткнулась на угол. А потом еще один и круг замкнулся.

Гевелет остановилась примерно в центре и медленно повернулась вокруг себя, скользя ладонью по воздуху, словно могла нащупать что-то невидимое. Пещера была небольшой. Или она не знала, как назвать это место.

Не тесной, но и не просторной. Достаточной, чтобы стоять и лежать. Недостаточной, чтобы забыть о стенах.

Мысль оказалась сухой.

Это тюрьма.

У тюрем есть причина. И срок. Даже если его не называют.

Этого было достаточно: пространство замкнуто, выхода нет, тьма не случайность.

Заточение.

Гевелет облизнула губы. Ей хотелось пить так же сильно, как дышать. Желудок тихо сжался.

Не оставил даже воды.

Мысль перекосила Гевелет изнутри. Не вспышкой, а вязкой обидой.

Подло. Я что, не человек?

Холод пробирался сквозь одежду. Воздух пах землей и затхлостью.

Сколько прошло времени?

Мысли больше не выстраивались. Они наслаивались: холод, жажда, голод, тишина, предательство.

Ее заперли не только здесь, но и в собственном теле. Гевелет обняла себя за плечи, проверяя, где заканчивается она. Сидела, не меняя позы, а мысли ходили по кругу.

Одни и те же шаги, одни и те же повороты. Как они шли сюда. Как он спокойно и ровно двигался. Она не заметила ни в походке, ни глазах того, что обычно выдает решение от которого уже не отступают.

Она возвращалась к этому снова. И снова. И каждый раз приходила туда же — к закрытой двери которая стала стеной.

Как просто. Как незатейливо.

От этой простоты внутри у Гевелет что-то затвердело. Не вскипело, а осело.

Злость больше не металась. Она ложилась слоями.

Гевелет вспоминала его лицо. Уже неподвижное, удобное для памяти.

Его слова пустые. Без веса и без оправданий. Он перестал быть человеком. Остался только поступок.

И вместе с этим решение.

Я тебя не прощу.

Мысль потянула за собой место.

То, откуда он.

То, откуда она сама.

Гевелет закрыла глаза и увидела это место — четко, без тумана.

Заборы, избы, деревья, тропинки.

То, что было знакомым, стало чужим.

И она позволила себе то, чего раньше не позволяла. И перестала себя сдерживать.

В воображении Гевелет поджигала избы и деревья. Валила заборы.

Мутила воду, делая ее горькой.

Земля трескалась под ее руками, как пересохшее тесто, а скот валился в пыль от хворей, которых она не жалела.

У этих сукиных сынов и дочерей не должно чего-то остаться.

Она берегла только одного — слишком маленького и слишком любимого.

Гевелет не кричала. Она воздавала.

Медленно, методично. Не одному, а всем.

За молчание. За соучастие. За то, что из этого места мог выйти человек, способный закрыть за ней дверь.

Ненависть грела ее. Не спасала, но держала как последний слой между ней и пустотой.

Гевелет не заметила, когда бодрствование sdалось. Не было ни границы, ни падения. Мысли приходили все реже, а тело тише напоминало о себе. Время рассыпалось.

Она лежала неподвижно. Спала или просто существовала между вдохами.

Сознание обмякло, как ткань в воде.

Без усилия и намерения.

Она чувствовала себя согнутой, сжатой вовнутрь. Лишенной не только выхода, но и направления.

Не хозяйка шагов.

Не хозяйка дыхания.

Не хозяйка следующей мысли.

Эмоции ушли как раньше ушел свет. Разом. Ни злости, ни страха, ни боли.

Даже ненависть истончилась и отступила. Осталась только ровная глухая пустота.

Время перестало измеряться. Ни смены света, ни усталости. День мог длиться год, а год — один затянувшийся выдох. Гевелет просто была. Ни здесь, ни там.

Удар пришел внезапно. Глухой, тяжелый. Не звук, а толчок. Он прошел сквозь нее. Гевелет вздрогнула всем телом, как вздрагивают во сне от падения. Сознание ее дернулось, собираясь. Она приподняла голову, раскрыла по привычке глаза. И поняла: проснулась в том же кошмаре. Тьма не изменилась.

А удар повторился. После вязкой тишины удар оказался оглушительным и слишком близким. Он отозвался болью не в ушах, а глубже. В голове. В костях. Гевелет зажала уши ладонями.

Сердце споткнулось и сорвалось в бег.

Она лежала, не двигаясь. Ждала. И удар пришел снова.

Звук стал единственным событием.

Был страх, но вместе с ним и острое любопытство. Гевелет убрала руки от ушей и поползла, шаря ладонью по камню.

Она ориентировалась телом и слухом.

Что-то тяжелое ударило в ладонь и разбилось. Она резко отдернула руку.

Будто ударило молотом. Но вес, форма были не тем, чем казались на самом деле. Только потом она поняла что ладонь стала мокрой.

Она поднесла ее ко рту, сперва понюхав, а затем осторожно облизнула. Вкус был слабым и едва различимым, но настоящим. Гевелет всосала его жадно, почти судорожно, как будто боялась, что если замедлится, то он исчезнет. Язык скользил по коже, не оставляя ни капли. Дыхание сбилось. Теперь она уже не вздрагивала. Она ловила. Ставила ладонь, другую и обе сразу. Капля падала редко, с мучительным ожиданием, но каждая из них была как обещание. Гевелет не пила, а втягивала влагу в себя. Затем она догадалась сложить ладони чашей и копить. Капли собирались медленно, по одной. Она прижимала их к губам, не разжимая рук, будто держала не воду, а нечто, что могут отнять. Впервые за все это время тьма вокруг перестала быть абсолютно немой и безжизненной.

Когда жажда притихла, Гевелет замерла, но капли продолжали падать.

И тогда она заметила перемену. Не вспышку, а сбой. Впереди, чуть выше уровня глаз появилась слабая белесая точка.

Она ничего не освещала, а просто была.

Гевелет смотрела на нее, не моргая. Точка не двигалась, но медленно становилась плотнее. В ней крепла белизна.

Гевелет не тянулась к точке. Слишком хорошо зная, как исчезает то, что похоже на спасение. Она просто смотрела. И в этой слабой белизне было не обещание, а нарушение.

Точка менялась медленно. Не вспыхивала, а уплотнялась. Свет в ней не разливался, а накапливался.

Гевелет решила, что это усталость глаз.

Она заморгала и зажмурилась до темных пятен. Затем открыла глаза.

Точка не дрогнула, не распалась. Она осталась. И висела там же. Гевелет смотрела, не делая выводов.

Без радости и без надежды. Как смотрят на огонь не зная, греет он или жжет.

Вокруг точки начали проступать формы.

Сперва общие, а затем и неровности.

Камень обрел края, трещины, изломы.

Гевелет опустила взгляд на свои руки.

Они были грязные, в порезах и с подсохшей кровью. А пальцы дрожали.

Рукава кафтана потемнели от сырости.

Сапоги были в крошке и земле. Гевелет увидела себя. Это было не страшно и не утешительно. Просто данность: она здесь. Света хватило, чтобы вернуть очертания.

Сразу после этого пришло другое ощущение. Не звук, не движение, а сдвиг. Будто пространство перестало быть пустым. Камни оставались камнями, а свет слабым. Но воздух утратил безразличие. Гевелет чувствовала это кожей. Не взгляд, не прикосновение, а присутствие. Она всмотрелась в полумрак. Ничего.

Ни тени. Ни силуэта. Камень был нем. Пространство неподвижно. И все же оно смотрело.

Гевелет медленно выдохнула. Она ничего не видела. Но тьма перестала быть безличной. И тогда раздался голос. Глубокий и мощный.

— Иди на свет, Гевелет. Он не ранит твоих глаз.

Она резко огляделась. Никого не было.

Только камень, свет и пустота. А камни смотрели. Безмолвно. Будто ждали, что она останется.

Наваждение, подумала она.

Голос не исчез:

— Иди же.

Он был рядом, но и не здесь. Гевелет попыталась подняться, но тело не слушалось. Оно было чужим и слабым. Но она все-таки встала. Не болью, а усилием. Колени дрожали.

Кто-то наблюдал за ней из глубин этой тьмы. Гевелет чувствовала это. Собрав остатки сил, она выпрямилась и пошла, касаясь плечом стены.

— Это не заточение, — сказал голос. — Это погребение заживо.

Слова ударили в грудь как молот.

— Кто ты? — прошептала она.

Ответ пришел не сразу.

— Важно лишь кто теперь ты.

В тот же миг ее лица коснулся ветер.

Легкий и настоящий. Гевелет вздрогнула. Но уже не от страха.

II. Яблоки

Солнце стояло высоко и грело лицо. Не жгло, а грело. Ровно и спокойно. Бэо Тункилс остановился посреди деревенской дороги и просто постоял в этом тепле. Он чуть повернул голову, подставляя другую щеку, и закрыл глаза.

Мир был прост: пыль под ногами, дерево под ладонью, теплый воздух, полный запахов жилья и скота. Бэо шел неторопливо. Ему некуда было спешить. Яблоко лежало в руке тяжелое, налитое, еще хранившее прохладу тени, из которой его сорвали.

Он с хрустом откусил. Выступил густой, сладковато-кислый сок. Бэо жевал медленно, с вниманием человека, знающего цену сытости, позволяя вкусу растекаться по языку. Потом откусил еще. Яблоко было спелым. Таким, каким и должно быть, плодом доброго года.

Он подошел к дому Велебора. Крыльцо заслонило солнце.

Привычным движением Бэо развернул яблоко другой стороной и на миг замер. Та половина, что была скрыта от его глаз, оказалась потемневшей. Мякоть осела, почернела, словно обожженная изнутри. Впадина гнили расползлась к сердцевине. Мягкая, влажная, уже источающая сладковато-тяжелый запах.

Бэо Тункилс нахмурился. Он поднес яблоко ближе, осмотрел, будто надеялся, что взгляд обманул его. Но нет. Гниль была настоящей и слишком неожиданной для такого ясного дня.

— Вот ведь... — выдохнул он негромко.

Он сжал плод сильнее, и под пальцами мякоть поддалась, оставив липкий след. Бэо скрипел, вытер ладонь о штаны и задержал взгляд на дороге впереди. Он был уверен, что сорвал с ветки здоровое яблоко.

Солнце светило по-прежнему. Трава колыхалась от легкого ветра. Ничто вокруг не изменилось. Но есть яблоко он больше не стал. Бэо отбросил его в сторону. Туда, где трава все спрячет и примет без разбора.

Бэо Тункилс был мужчиной лет сорока. С телом, привыкшим к работе и к бою, но не рвущимся к нему. В мирное время он жил так, как и следует жить: сначала напоить лошадей, потом поесть самому, переодеться в чистое и лишь после заняться делами.

Дом стоял основательно, без украшений, будто его строили не напоказ, а надолго. Бэо знал его давно. Знал Велебора еще до того, как того стали называть бывшим старейшиной. В те годы, когда вокруг него только начинало что-то складываться. Бэо был его хранителем. Не по приказу, а по выбору, сделанному много лет назад и с тех пор не отмененному.

Бэо поднялся на крыльцо и на мгновение задержался, чувствуя, как тепло солнца все еще держится на коже. Затем неспешно прошел по потертым ступеням. Доски под сапогами тихо, устало скрипнули. Не жалобно, а по-стариковски, смирившись со своим возрастом.

Он остановился у двери. Она была чуть приоткрыта. Старая привычка никуда не делась. Бэо постучал костяшкой пальца. Легко, почти вежливо. За дверью стояла тишина. Не пустая, а живая, с дыханием дома, запахом сухих трав и старого дерева.

Он постучал снова. Настойчивее, но без грубости. Так стучат те, кого обычно впускают.

— Кто? — донеслось изнутри. Голос был хрипловатый и сонный, будто его вытащили из густого полуденного забытья.

— Владыка подземный, — ответил Бэо Тункилс без улыбки, но с усмешкой, живущей в глазах. Так в деревне говорили, когда приходили не ко времени, будто тебя и впрямь вынесло снизу, из-под земли.

Он помолчал мгновение и добавил уже ровно, по делу:

— Пора возвращаться в поле.

Где-то рядом родился звук: тонкий, осторожный, словно кто-то сперва прислушался к себе и лишь потом коснулся струн.

Гусли заговорили негромко, а в лад теплему полудню, пыли, медленно оседающей между домами. Звук поплыл над крышами, цеплялся за плетни, задерживался у колодцев и расплзался дальше. Мягкий, тягучий, как свет сквозь листву. В нем не было ни веселья, ни печали, а только ровное, убаюкивающее течение, от которого шаги замедлялись, а мысли становились ленивее.

За дверью что-то тихо зашуршало. То ли шаги, то ли Велебор просто перевернулся на лавке.

— Бэо... — протянул голос. — Меня разморило.

Бэо ничего не ответил. Он стоял, слегка опершись ладонью о косяк, и ждал. Солнце, пробравшееся на крыльцо, грело ему плечо. Где-то со стороны моря ветер принес глухой, ровный шум будто большой мир за пределами деревни ворочался во сне.

Там, на холме, за зубчатой каменной стеной, город все так же смотрел на равнину. Тяжелый, неподвижный, словно посаженный на край мира.

— Меня разморило, — повторил Велебор и больше ничего не добавил.

Тишина снова легла между ними, как старый кафтан — тяжелая и знакомая.

Бэо Тункилс еще немного потоптался на крыльце: переставил ногу, потом другую, будто давал времени последний шанс вытолкнуть хозяина наружу. Он знал: если Велебор захочет —

выйдет. Если нет, никакая настойчивость не поможет. Требовать Бэо не мог. Да и привычки такой у него не было.

Он уже собирался сойти со ступеней, когда из-за двери, почти небрежно, раздалось:

— А где мой сын?

Бэо сделал шаг к приоткрытой двери, не заглядывая внутрь, и ответил сразу, без раздумий:

— Не знаю.

Велебор хмыкнул. Коротко, почти весело.

— Пусть он тебе поможет.

Бэо Тункилс чуть помедлил:

— Кажется, к нему девка пришла.

Наступило молчание. Короткое, но в нем словно щелкнуло что-то живое. Затем Велебор сказал с той своевременной находчивостью, которая будто сама его находила:

— Пусть тогда они вдвоем тебе помогут.

Бэо выдохнул почти незаметно:

— Ладно.

Он сошел с крыльца. Звуки гуслей тянулись мягко, неровно, будто музыкант еще не решил, что именно хочет сыграть.

Бэо сделал еще несколько шагов по дороге и сразу понял, в какую сторону пойдет искать помощников. Солнце било в спину. Море молчало.

И вдруг — резкий, сухой щелчок.

Звук вышел неправильным, слишком громким для такой мелочи, словно воздух над деревней на мгновение треснул. Гусли смолкли сразу, обрубленно, как если бы кто-то зажал музыку рот.

Через секунду послышался плач ребенка. Видно, его расстроила порванная струна.

Бэо остановился, но не обернулся.

Постоял мгновение и пошел дальше.

Амбар стоял на самом краю деревни. Там, где утоптанная земля теряла следы и переходила в редкую, выжженную траву. Дальше начинался склон, а за ним простор, в котором в ясные дни угадывалась линия моря. Самой воды не видно, но ветер приносил соль и глухой, ленивый шум будто мир дышал где-то за горизонтом.

Амбар был старый, приземистый, сложенный из потемневших бревен. Крыша осела набок, как плечо уставшего человека. У стены — колода с застрявшим топором, деревянные вилы, воткнутые в землю. Над дверью висел ржавый оберег. Еще с тех времен, когда в деревне верили, что злое не любит порогов и углов.

Дверь еще была тяжелой и скрипучей. Открывалась неохотно, словно всякий раз сомневалась, стоит ли впускать или выпускать.

Первым из амбара вышел Яромир.

Он остановился на пороге и огляделся, спокойно и собранно. Так смотрят те, кто уже знает шум железа и крик и потому не боится тишины. В его взгляде не было суетливости мальчишки. Лишь короткая, почти воинская проверка вокруг.

На мгновение его глаза, обычно светлые, потемнели как если бы по ним прошла тень. И тут же вернули прежний цвет, будто ничего и не произошло.

Следом за ним вышла Офелия. Она была темнее его кожей: южной, теплой, словно солнце дольше держалось за нее. Волосы выбились, и она на ходу поправляла их, стряхивая соломинки, застрявшие в прядях и на плечах. Сарафан ее был слегка сбит, как после долгой тесной работы, и ткань липла к телу от тепла.

Их лица были довольные, чуть вспотевшие. Такие бывают у людей, которые на время забыли о мире за деревянными стенами.

Между ними сперва не было слов, а только воздух. Плотный, теплый, наполненный чем-то несказанным, но уже случившимся.

Они не сразу посмотрели друг на друга.

Амбар за их спинами снова остался недвижим. Темный, молчаливый, хранящий в себе не только зерно и запах прошлых урожаев, но и то, что лучше не выносить на свет дня. Еще одну человеческую тайну, добавившуюся к множеству прежних.

Когда они отошли от амбара на несколько шагов, Яромир вдруг замедлил ход и остановился, словно что-то вспомнил не разумом, а телом.

Он обернулся к Офелии и посмотрел на нее внимательно, без суеты. Так смотрят не на случайную девку, а на ту, чье дыхание еще недавно чувствовали у себя на груди. Его взгляд прошел по ее лицу, по плечам и на мгновение задержался на руках будто он проверял: цела ли она, все ли на месте, не задело ли ее что-нибудь, кроме соломы и поспешности.

Офелия едва заметно улыбнулась и, не говоря ни слова, подняла руку.

На тонком шнурке у нее висел амулет. До этого он прятался между складками сарафана, теплый от кожи и почти незаметный. Теперь она вытянула его вперед, позволив повиснуть в воздухе между ними. Прямо перед лицом Яромира.

Движение было простое, но доверительное, словно она протягивала не вещь, а часть себя.

Амулет качнулся раз, другой и поймал свет. Камень в нем был темный, с глухим блеском, будто в глубине его что-то спало и не спешило просыпаться.

Яромир посмотрел на него коротко.

— О... у тебя такой же?

Он не протянул руку. Просто смотрел будто проверял не амулет, а совпадение, которое оказалось слишком точным, чтобы быть случайным.

— Нет, — ответила Офелия и коротко рассмеялась, словно сама испугалась сказанного. Смех вышел легким, но в нем слышалось смущение.

Она чуть отвела взгляд и добавила уже тише, торопливо, словно хотела спрятать слова прежде, чем они повиснут между ними:

— Это твой... Я случайно стянула его вместе с рубахой.

Амулет все еще качался на ее пальцах. Медленно, как маятник, отсчитывающий что-то свое. Яромир посмотрел на него внимательнее. Теперь уже не мельком, а тем взглядом, которым смотрят на вещь, знакомую слишком давно, чтобы считать ее просто вещью. Он узнал узор, узел шнурка, потертость у самого края камня. Он поднял руку и осторожно взял амулет, на мгновение накрыв пальцы Офелии своими.

Камень был теплым. Не от солнца, а от тела. Словно все это время он знал, где ему быть.

— Значит, правда мой, — сказал Яромир негромко, больше себе, чем ей.

Он надел шнурок обратно на шею и привычным движением спрятал амулет под рубаху. И только после этого снова посмотрел на Офелию. Уже иначе, с тем тихим вниманием, которое приходит, когда случайность вдруг перестает быть случайностью.

Яромир немного помолчал, прислушиваясь не к словам, а к памяти. Потом сказал просто, без всякой важности:

— Его мне отец подарил. На удачу.

Он коснулся груди там, где под рубахой лежал амулет.

— У него точно такой же.

Офелия вскинула брови, и в ее лице мелькнуло то особенное выражение, когда одна мысль догоняет другую будто они шли разными тропами и вдруг вышли к одному узлу.

— А я своему отцу когда-то сделала подарок.

Она усмехнулась, но уже не смущенно, а скорее задумчиво.

— Брошь. Такой больше ни у кого быть не может.

Яромир посмотрел на нее внимательнее.

— Да?

Офелия подняла руку, словно видела эту вещь прямо перед собой, и начала говорить осторожно, боясь сбить очертания.

— Она из темного серебра, почти черного, — сказала она. — Не блестит, а будто пьет свет. Форма как ветка терновника, скрученная в кольцо, но не замкнутая до конца. На концах — два маленьких зубца, как у зверя, который не кусает, а предупреждает.

Она провела пальцем по воздуху, рисуя изгиб.

— А в середине камень. Не круглый и не гладкий, а с трещинкой внутри, будто когда-то был удар. Камень мутный, серо-зеленый. Если долго смотреть, кажется, что в нем что-то движется, как тень под водой.

Офелия кивнула сама себе.

— Отец всегда говорил: такую не потеряешь и не перепутаешь. Потому что если увидишь, то сразу поймешь, что это она. И что другой такой нет.

Она опустила руку.

Между ними снова повисла тишина. Не неловкая, а плотная и внимательная.

Яромир ничего не сказал, но в его взгляде осталось то же, что и раньше: ощущение совпадения, которое слишком точно ложилось на мир, чтобы остаться просто красивой случайностью.

Он не ответил сразу. Лишь еще раз посмотрел на Офелию. Спокойно, будто укладывая ее слова куда-то глубже, чем память. Потом, задержав взгляд чуть дольше, чем требовала простая вежливость, негромко сказал:

— У тебя очень красивая речь.

И почти сразу, словно отставив ее слова в сторону — не отвергнув, а сберегши, — уже самым будничным тоном, каким говорят о вещах несомненных, добавил:

— Пойдем пить.

Офелия улыбнулась. Легко и с готовностью, будто ждала именно этих слов.

Они пошли рядом, не спеша, позволяя деревне проходить сквозь них. Жизнь здесь не пряталась и не суежилась. Она просто делала свое. У плетня женщина перебирала белье, развешивая его так аккуратно, словно каждой тряпице хотела дать имя. Чуть дальше двое мужиков чинили колесо. Ругаясь не зло, а привычно, как ругаются с вещами, которые все равно будут служить.

Из открытого окна тянуло запахом каши и дыма. Где-то хрюкнула свинья, откликнулась собака.

Над всем этим — ровное солнце и редкие порывы ветра, приносящие издалека соленый шорох моря.

Колодец стоял чуть в стороне, как и положено. Старый, с потемневшим срубом, обтесанным так, что ладонь сама находила в нем удобство.

Яромир взялся за ворот и провернул его. Дерево тихо закрипело, будто проснулось. Ведро ушло вниз, в темноту, и вернулось тяжелым, полным.

Вода была холодная, прозрачная. Такая, что в нее хотелось не просто пить, а смотреться, как в зеркало. Яромир поднес ведро и стал лить воду Офелии в сложенные ладони.

Она пила жадно, но аккуратно, словно боялась расплескать не воду, а само ощущение.

Капли стекали по запястьям, падали на землю, и земля сразу принимала их.

Потом он отпил сам прямо из ведра, коротко и глубоко. Офелия вытерла губы тыльной стороной ладони и рассмеялась.

— Очень вкусная вода, — сказала она.

Смех ее был светлым, но в словах чувствовалось, что это не все.

Она на миг замолчала, будто проверяя, не уйдет ли мысль, если дать ей время.
Не ушла.

— Я давно об этом думаю, — добавила она уже тише, но уверенно. — Может... нашим родителям пора бы уже познакомиться.

Она сказала это просто, без испытывающего взгляда, глядя на воду в ведре, где солнце дробилось на светлые осколки. А деревня вокруг, ничего не зная о ее словах, продолжала жить так, будто подобные фразы всегда были частью ее дня.

Яромир чуть кивнул словно взвешивая не слова, а их последствия.

— Пожалуй, — сказал он. — Пора.

Он произнес это тихо, без нажима, будто не соглашался, а просто признавал очевидное.

Офелия кивнула, но тут же, сама не зная зачем, добавила чуть поспешно, словно догоняя собственные слова:

— У моего отца...

Она на миг запнулась.

— У него хорошее место.

Она пожала плечами, будто это не имело большого значения, но все же договорила:

— Он ведает городскими печатями и торговыми мерами. Следит, чтобы казенное было цело, а слово не пустое. Его знают.

Фраза повисла между ними странно — не просьбой и не оправданием. Скорее как что-то сказанное слишком рано.

Офелия тут же пожалела, что произнесла это вслух, и отвела взгляд.

Она замолчала, будто мысль, за которую потянулась, оказалась длиннее, чем ожидалось.

— Ой, — сказала она после короткого молчания. — Мне пора возвращаться. Отец будет ждать. А я ему не сказала, где я.

Яромир кивнул, принимая это так же спокойно, как все остальное сегодня.

Потом, словно вспомнив что-то простое и земное, сказал:

— Возьми с собой яблоч.

Офелия рассмеялась легко, почти звонко. И в этом смехе будто вернулось солнце, которое на миг прикрыли тучи.

— Я те еще не доела, — ответила она.

Смех рассеял остаток тяжелых мыслей. Ведро у колодца тихо покачнулось. Потом они оба рассмеялись. Без причины, как смеются люди, которым просто хорошо рядом.

И в этот миг, между их смехом и тишиной, где-то в стороне сухо и жалобно лопнула струна гуслей. Звук был коротким, резким, будто что-то невидимое оборвалось и тут же исчезло. Почти сразу вслед за этим, уже из глубины дворов, плаксиво вскрикнул ребенок. Не беда, а обычный, живой плач, как это бывает каждый день.

Офелия чуть повела плечом, словно от сквозняка. А Яромир посмотрел в ту сторону и тут же отвел взгляд. Ничего не случилось. Просто звук.

Яромир все-таки настоял. Мягко, без уговора. Он просто предложил путь.

Шагнул первым, не оборачиваясь, зная, что Офелия пойдет следом. И она пошла.

Они прошли совсем немного — за край домов, туда, где деревня уже отпускала землю и начинался сад. Яблоневый, душистый, с неровными рядами и высокой травой.

Между деревьями стояли два коня.

Один рыжий, с белым пятном на лбу, терпеливый и спокойный, будто всегда ждал. Другой темно-коричневый, гнедой, настороженный и с живыми глазами. Кони подняли головы, фыркнули, но остались на месте, признавая хозяев. Яромир подошел к ближней яблоне, сорвал плод, потом еще один. Оглянулся на Офелию и, не спрашивая, приподнял край ее сарафана, складывая ткань так, чтобы вышла неловкая корзина.

— Держи, — сказал он.

Офелия удивленно хмыкнула, но послушно придержала ткань рукой.

Яромир начал накладывать яблоки. Сперва осторожно, одно за другим. Яблоки были теплые от солнца, тяжелые, с запахом сладкой кожицы.

Она рассмеялась.

— Ты серьезно?

Он не ответил и продолжил. Уже быстрее, будто увлекся.

Потом стал класть яблоки двумя руками, не считая. Сарафан тянул вниз, ткань собиралась складками, тяжесть ощутимо давила.

— Яромир... — смех у нее стал прерывистым. — Зачем же я держу?

И прежде чем он успел что-то сказать, она отпустила край.

Яблоки мягко посыпались на траву. Глухо, с короткими ударами. Не разбиваясь, а словно разбегаясь кто куда. Яромир застыл, так и не донесся следующие. Он держал яблоки в руках и глядел, как другие катятся к корням деревьев. А Офелия уже отбежала. Не по-настоящему, не всерьез. Так бегут, когда не хотят убежать на самом деле.

Она обернулась, смеясь, и в этом смехе было приглашение, от которого невозможно отказаться.

Яромир поддался ее ритму игры, будто сразу понял правила. Офелия спряталась за яблоню и начала метаться туда-сюда, путая, в какую сторону побежит. То выглянет справа, то мелькнет слева, смеясь и дразня его своим исчезновением.

Он все-таки настиг ее не сразу. Сначала позволил игре длиться: дал ей время спрятаться, запутать следы, поверить, что она ускользнет. И лишь когда она, смеясь, выбежала слишком открыто, Яромир догнал ее.

Он остановился рядом и, почти не торопясь, поднял Офелию на руки. Легко, как поднимают что-то привычное и дорогое. Покружил, будто ее вес вовсе ничего не значил. Мир на мгновение поплыл: яблони, небо, ее смех. Потом он осторожно поставил ее обратно на траву. Офелия, не желая так просто уступать, тут же попыталась сделать ему подножку, стараясь повалить его. Это было скорее продолжением игры, чем настоящим сопротивлением — движение, полное озорства и притворной решимости.

Не вышло. Она попробовала еще раз. И в этот раз он поддался — позволил себе потерять равновесие и мягко упал в траву вместе с ней.

Они на мгновение замерли рядом, переводя дыхание. Над ними тихо шелестели ветви яблонь, небо было светлым и спокойным. Они смотрели то вверх, то друг на друга без слов.

Офелия первой вспомнила о времени. Вздохнула, приподнялась на локте и сказала, что ей уже пора. Она села на рыжего коня, Яромир на темного.

От яблоневого сада они поскакали в разные стороны: Офелия к городу, а Яромир к морю, туда, где его уже ждала торговля.

Бэо Тункилс подошел к яблоневому саду ровным, привычным шагом. Не торопясь, но и не медля. Так ходят люди, уверенные, что мир подождет их пару лишних мгновений.

Он не бежал и не крался, не высматривал и не прислушивался. Просто шел. И потому увидел уже самый конец. Два коня — рыжий и темный — разом сорвались с места, будто сад сам вытолкнул их прочь. Один рванул к городу, другой к морю, и между ними мгновенно выросло расстояние, которое нельзя было перескочить ни криком, ни жестом.

На мгновение Бэо Тункилсу показалось, что еще можно окликнуть. Он даже приоткрыл рот, словно имя уже было готово сорваться с губ. Но он не знал, кого звать первым. Он посмотрел в одну сторону, потом в другую и за это короткое колебание кони уже успели набрать ход, превращаясь в быстро удаляющиеся силуэты. Бэо медленно опустил руку и махнул ею в пустоту. Жестом человека, который понял, что опоздал.

III. Кукуруза

Косые лучи солнца цеплялись за соломенные крыши, за края навесов, за дымок, лениво тянувшийся из очагов. Свет становился мягким, красно-золотым, будто в воздух осторожно подмешали мед и пепел. В этом свете все выглядело добрее: трещины в стенах теплее, лица спокойнее, а усталость заслуженной.

Мошкара бесилась в лучах. Крутилась столбиками, рассыпалась и снова собиралась, словно свет был для нее не радостью, а вызовом. Над полями она стояла густо, и оттуда доносился ровный живой гул — дыхание дня, который подходил к концу.

В деревне заканчивали работы. Серпы очищали от налипшей шелухи и травяного сока, привычно проводили пальцем по лезвию, не глядя. Кто-то мыл руки, долго, до скрипа кожи, будто смывал не грязь, а воспоминания. Кто-то уже уселся на лавку, передавая миску дальше, коротко кивая. Говорить сейчас было не нужно. Все важное было сделано.

Именно в этот момент заволновался конь. Не заржал, а лишь переступил с ноги на ногу, фыркнул и резко мотнул головой, будто что-то укололо его в шею. За ним второй. Тот уже натянул повод, упрямо, с недобрым упорством. Так тянут не от страха, а от раздражения, когда зверь чувствует то, что человеку еще не дано.

Собаки подняли головы почти одновременно. Сначала одна — глухо, с сомнением. Потом другая. Лай начался неровный, сбивчивый, будто они еще не знали, на кого, и каждая лаяла в свою сторону.

Со сторожевой вышки мир всегда выглядел иначе, чем снизу. Будто его разложили по слоям: крыши отдельно, поля отдельно, а даль как нечто условное, почти нарисованное.

Сторожевой стоял, опершись локтями о холодное дерево перил. Он не высматривал, а просто смотрел. Привычно, лениво, как смотрят туда, где годами ничего не меняется. Горизонт был ровный, спокойный, правильный. И именно поэтому что-то в нем зацепило глаз. Не вспышка, не тень, не движение в привычном смысле. А скорее нарушение. Как если бы в знакомую песню вдруг попал звук: слишком тихий, чтобы его услышать, но достаточно чужой, чтобы почувствовать.

Сторожевой нахмурился и подался вперед. Он еще не понимал, что именно не так. Линия полей была на месте. Лес стоял, как стоял. Небо не менялось. Но на самом краю зрения что-то жило своей отдельной, неправильной жизнью. Он прищурился. Там, где горизонт обычно был неподвижен, теперь появилось движение.

Сначала оно казалось игрой света. Так бывает, когда воздух дрожит от жара. Но это дрожание не рассыпалось. Оно держалось. И, что хуже всего, двигалось.

Сторожевой выпрямился. Странное не плыло, не колыхалось и не исчезало, как мираж. Оно шло прямо. И с каждым долгим, натянутым мгновением становилось ближе. Слишком быстро.

Сердце сторожевого стукнуло раз, а второй с запозданием. Теперь он уже не сомневался: это было не наваждение и не усталость глаз. Это было чужое в привычной картине мира.

Сначала он решил, что это человек. Так бывает: разум хватается за привычное, даже когда привычное уже не подходит. Но чем дольше он вглядывался, тем очевиднее становилось — это что-то из ряда вон.

Фигура была шире человека и выше. Тяжелее земли под собой. Она двигалась сама: без коня, без повозки, без всякой опоры. Шла, переставляя ноги неуклюже, будто еще не до конца поняла, как это делается, но при этом с пугающей быстротой. Шла и расстояние между ней и деревней таяло. И тогда сторожевой увидел огоньки. Маленькие, белесые и холодные, как свет в глубине льда. Они сидели глубоко, в выдолбленных глазницах. Был нос — грубо обозначенный выступ. А ниже бороздка, похожая на рот. Но сторожевой не мог понять, нужен ли этому существу рот вообще: не для речи, не для дыхания — просто отметина, как след старого удара.

Руки у фигуры были тяжелые, мощные и свисали по бокам, словно кованные. Тело обычной человеческой формы, ноги прямые, уверенные. Все в нем было слишком цельным, пра-

вильным и одновременно чуждым. Металл это или камень, пока разобрать было нельзя. Но сторожевой понял главное: это нечто шло прямо к деревне.

Он не стал ждать, пока разум подберет слова. Не стал проверять себя еще раз. В такие мгновения сомнение худший враг. Сторожевой резко обернулся и схватился за било — тяжелую металлическую пластину, подвешенную под навесом вышки. Он ударил по ней раз, затем второй. Звук вышел глухой, вязкий. Это была не тревогой, а предупреждением. Тем самым древним голосом, которым в деревне говорили: что-то не так.

Гул ударился о стены, залез в окна, пополз по дворам. Собаки взвились громче, кони дернули ушами. Люди еще не знали, чего бояться, но уже чувствовали — вечер перестал быть обычным.

А фигура продолжала идти. Звук била еще не успел осесть, а деревня уже зашевелилась, как потревоженное гнездо. Люди вставали не резко. Сначала медленно, будто надеясь, что это ошибка, что сейчас все объяснится само собой. Кто-то поднялся от стола, не доев. Кто-то отложил миску, так и не поняв, почему рука замерла на полпути ко рту. Серпы опустили в траву. Вода в умывальниках дрогнула от шагов.

Люди выходили на пороги, шурились в закатный свет, переглядывались. Смотрели друг на друга и не находили ответа. Спросить было не у кого: никто ничего не знал, и каждый это чувствовал. Тревога еще не имела формы, но уже жила в воздухе. И тогда в этом движении, в этом бессловесном ожидании появился Бэо Тункилс.

Он вышел уверенно, без суеты, словно звук тревоги был не неожиданностью, а чем-то, к чему он готовился всю жизнь.

Его заметили сразу. Не потому, что он кричал и звал, а потому что за ним привыкли идти. — К оружию, — сказал он.

Дверь общей кладовой уже была открыта, и оттуда потянулись мужчины.

Кто уже сражался, кто помнил войну. Кто надеялся, что не придется, но был готов. Они выходили по одному и по двое, неся мечи и копья, луки и щиты. На ходу затягивали ремни, надевали шлемы, поправляли кольчуги, проверяли клинки. Не блеском, а весом, привычным движением ладони.

Кто-то вытаскивал связки стрел и по привычке считал их. Кто-то стучал древком копья о землю, проверяя, не разболталось ли. Кто-то молчал, глядя в сторону поля. Никто не бил в строевой ритм, никто не выкрикивал званий и приказов. Это был отряд, выросший из самой деревни, собранный ею же. Как сжимают ладонь в кулак, когда боль уже близко. Люди становились рядом не по уставу, а по памяти: кто с кем стоял прежде, кто кого прикрывал спиной, кто знал шаг соседа и его дыхание. Впереди — щиты и копья. За ними — те, у кого луки. Не показно, а так, как вставали, когда доходило до дела.

Бэо Тункилс оглядел их одним взглядом и ничего не стал поправлять.

Он отошел в сторону и без спешки: сперва на бочку, а с бочки на крышу, поднялся на низкий сарай. Не карабкаясь, не напрягаясь, будто делал это не в первый раз и не в особый момент. С высоты всего лишь в человеческий рост мир уже раскрывался иначе: дальше, шире.

Солнце клонилось, и его косые лучи ложились на копья и шлемы красноватым золотом. Тени от людей вытягивались и переплетались, превращая отряд в одну длинную тень.

Бэо Тункилс поставил ладонь над глазами и всмотрелся в даль. По дворам в то же время происходило другое. Ставни закрывались. Сначала осторожно, потом все быстрее. Женщины уводили детей в дома, прижимая их к себе, не объясняя ничего. Потому что и сами не знали, что сказать. Старики выходили на крыльцо и стояли, опираясь на трости, глядя туда же, куда смотрели все.

Ветер принес с моря соленый запах и тревожную прохладу. Никто не знал, враг ли это или нечто иное, для чего в языке просто не было готовых слов. Но ясно было одно: это не ложилось в обычный уклад.

Когда отряд ждал, ставни закрылись, а детей утащили в дома, деревня вдруг сжалась и притихла, затаив дыхание.

Тишина стала такой плотной, что в ней появилось место для звука. Сначала едва различимое шарканье. Не звон металла и не топот коня, а глухое, вязкое скольжение, будто кто-то тяжелый шел по топтаному песку, по сырой дороге, стирая землю подошвой.

Звук был неровный, чужой, не человеческий. К этому моменту стало видно, что фигура каменная. Цельный камень, а не сложенный из отдельных кусков. Каменный верзила, уже совсем близко, ступил на деревянный мост.

Бревна под ним не просто скрипнули. Они жалобно затрещали, словно старое дерево впервые осознало собственную хрупкость. Мост застонал всем телом, принимая на себя этот груз.

Звук прокатился по тишине, как трещина по льду. Что бы это ни было, оно уже вошло в деревню.

Когда верзила вошел в деревню — не украдкой, не нащупывая путь, а нагло и прямо, то Тункилс так и остался стоять на крыше сарая. Он поднял руку коротким, привычным, жестом: пока не нападать. Верзила прошел совсем рядом с ошарашенным Тункилсом, который стоял на уровне его плеча и никак не мог понять, что это за лихо такое. И лихо не обратило на него никакого внимания. Даже не посмотрело ни на Бэо, ни на отряд.

Верзила направился в ту часть деревни, где дома стояли реже и между ними было больше воздуха и земли. Он шагал ровно, без колебаний. Так идут только туда, где цель уже известна. Пока не дошел до амбара на самом краю деревни. Там дальше тянулся склон, а за ним простор, в котором в ясные дни угадывалась линия моря: самой воды не видно, но ветер приносил оттуда соль и глухой, ленивый шум, будто мир дышал где-то за горизонтом. Верзила сразу обошел амбар, с той внимательностью, с какой разглядывают не вещь, а след. Каменная голова его чуть наклонилась.

Деревня замерла.

Верзила не был исполином в сказочном смысле. Не тем, что закрывает собою небо. Он был иным: слишком высоким для человека и слишком тяжелым для всего живого. Два, может, три человеческих роста, но в нем не было вытянутости. Только плотность, собранность, будто его нарочно сделали таким. Белесые огоньки в его глазницах мигнули. Не вспыхнули, а именно мигнули, как далекие светила в ночном небе. Он приблизился к амбару вплотную и наклонился. Каменная голова почти коснулась бревен, и одна глазница оказалась так близко к щели, словно он заглядывал в детскую игрушку, пытаясь понять, зачем она устроена именно так. Затем верзила выпрямился, обошел амбар с той неторопливой уверенностью, с какой обходят знакомое место, и остановился у двери. Ни замаха, ни усилия, а просто движение. Дверь треснула, доски хрустнули, и она была сорвана так легко, словно и не была прикована на петли. Он сунул руку внутрь осторожно. Не резко, не жадно. Пальцы двигались медленно, ощупывая пустоту, дерево, воздух, будто он искал не предмет, а след присутствия. Каменные суставы скользили по внутренним стенам, задерживались, отступали и снова тянулись вперед. Со стороны казалось, что он слушает амбар изнутри. Верзила медленно вытащил руку. Каменные пальцы на миг замерли в воздухе, а затем опустились. Он отступил на шаг и посмотрел на амбар целиком. Не как на строение, а как смотрят на вещь, упрямо не желающую открыть секрет.

Сперва он ударил по нему не сильно, открытой ладонью словно дал легкую пощечину. Не чтобы сломать, а будто проверяя: не шелохнется ли что внутри, не выскочит ли кто-нибудь в испуге, не посыплется ли само наружу.

Дерево глухо отозвалось, осело, но осталось таким же немым, как и прежде. Верзила немного выждал.

Тогда он взялся за амбар обеими руками: одной за край крыши, другой за выступ бревенчатой стены и потянул. Не резко, а с тем усилием, каким пробуют открыть тяжелый сундук.

Крыша заскрипела, бревна напряглись, будто упираясь. Но амбар не поддался. Он стоял упрямо, как старая вещь, пережившая больше, чем от нее ожидали.

В этом движении не было ярости, но что-то в верзиле изменилось. Он выпрямился чуть медленнее, чем прежде. Его белесые огоньки словно задержались на амбаре дольше, чем нужно. Лицо осталось таким же неподвижным, но в его позе появилось то едва заметное, по которому люди понимают: сейчас будет по-другому.

Следующий удар пришелся в крышу, словно она мешала видеть, как мешает шапка, сползшая на глаза. Крыша хрустнула и разошлась, щепки и сено взметнулись в воздух, будто их подбросили лопатой. Еще один удар и ее не стало. Крыша разлетелась в стороны.

Деревня вздрогнула, и каждый думал: чем этот амбар так провинился.

Верзила не остановился. Он развернулся и ударил в стену. Бревна посыпались, словно кто-то развязал вязанку дров. Без порядка, одно за другим. Амбар рушился быстро, без борьбы, будто и сам давно ждал, когда его разберут на части.

Верзила снова выпрямился. Медленно, с тем спокойствием, какое бывает после тяжелой работы. Белесые огоньки в глазницах медленно скользнули вокруг. Теперь он осматривал все — дома, землю, деревья. Он пошел так, как идут те, кто уже опоздал. Шаги его были тяжелые и медленные. Верзила двигался через деревню прогулочным шагом, словно человек, вышедший под вечер посмотреть, как живут другие, когда собственные дела уже закончились.

Деревня лежала перед ним как книга: заборы — строчки, окна — потерянные буквы, лица — пометки на полях

Жители, увидев, что он будто направляется обратно, облегченно подумали одно и то же: уходит. Эта мысль шла впереди него, обгоняя, просачиваясь от дома к дому, и страх понемногу отпускал. Не исчезал, но ослабевал, как узел, который перестали тянуть.

На улице, помимо отряда воинов, были и другие люди. Любопытство у них оказалось крепче осторожности и медленно перевешивало чашу страха.

Они выглядывали из-за калиток, из дверных проемов, из-за спин друг друга, будто мир вдруг стал зрелищем, от которого невозможно отвести взгляд, даже понимая, что это опасно.

Люди привыкли, что крыльцо это точка, откуда смотрят на мир. И потому не могли остаться безучастными, когда в их доме происходило что-то подобное.

Верзила прошел мимо парня, стоявшего в дверях кузницы с молотом в руке. Лишь коротко взглянул на него и тут же потерял интерес, как хищник проходит мимо ягод. Скользнул огоньками по женщине, подглядывающей из окна. И потому у людей крепла мысль: он просто уходит.

Среди таких зевак у крыльца своего дома стояла Велена. Она была уже старая и опиралась на трость. Одна из тех, кто пришел сюда в самом начале, когда деревню только начали строить.

Рядом с ней стояла девушка Лисса. Она держала Велену за локоть и тихо говорила:

— Пойдем в дом.

Велена слушала, но не шла. Она смотрела на улицу спокойно. В ее взгляде не было вызова, а лишь привычка видеть все до конца.

Верзила уже почти прошел мимо. Его взгляд, как и прежде, скользнул по ним, но на этот раз вдруг задержался. Не резко, не сразу. Он сделал еще шаг, потом остановился, словно внутри что-то дернулось. Тихо, но настойчиво.

Он повернулся и посмотрел на Велену внимательнее. В этом взгляде было не узнавание, а попытка его найти. Верзила приблизился, медленно наклонился к ней, сокращая расстояние между их лицами до неприличного, и стал рассматривать ее так, как смотрят на что-то смутно знакомое, будто где-то уже видели.

Вокруг стало очень тихо.

Лисса вжалась в стену дома, а Велена поначалу не испугалась. Она стояла как стояла, опираясь на трость. Но тень верзилы накрыла крыльцо, и в эту тень вдруг пришел холод. Лисса

невольно попятилась, споткнулась о ступеньку и села на нее. Немая и бледная, как льдина. Велена застыла в его тени. Страх поднялся медленно. Когда он дошел до груди, тело уже не слушалось. Казалось, старушка не в силах удерживать даже трость. Верзила медленно отстранился. В коротком замахе решение уже было принято.

В следующий миг он разmozжил Велену.

Лисса смотрела огромными глазами, еще не осознав. Верзила скользнул по ней огоньками и двинулся дальше. Девушка сперва захлебнулась воздухом, но потом истошно закричала, и ее вопль услышала вся деревня. Бэо Тункилс не только услышал крик, а он отчетливо увидел, что произошло.

Чуть в стороне от него у лучников, в толстых варежках, уже были готовы белые стрелы. Они были длиннее обычных — плотные, слишком ровные. Древко светлое, будто выбеленное не солнцем, а чем-то другим. Наконечники не блестели. Свет будто уходил в них, а не отражался.

Бэо Тункилс дал отмашку. Было видно, как стрелы секут воздух, оставляя тонкие, почти неуловимые следы

Дом Велебора стоял в стороне. Не на отшибе, но и не в гуще. Его поставили так, чтобы до Велебора доходило меньше шума, суеты и чужих разговоров. Дом был крепкий, собранный, с толстыми стенами. Велебор спал, и ему снились звуки тревоги. Сон был тяжелый, глубокий, не по времени дня. Такой сон приходит редко, будто тело само решает вернуть себе отдых. Он спал слишком крепко для человека, привыкшего просыпаться от каждого чужого шага.

Сквозь сон до него начали доходить звуки. Сначала неразборчивые, как шум, услышанный сквозь воду. Но истошный женский вопль дернул его сознание, будто кто-то толкнул в грудь.

Он вскочил прежде, чем понял, что проснулся. Рука сама нашла меч. Пальцы сомкнулись на рукояти еще до того, как он открыл глаза. Лишь потом он вдохнул — широко, жадно — и огляделся. В доме было светло. Велебор схватил рубаху, накинул ее на плечи, не попадая в рукава. Сердце билось ровно. Без паники, но с той внутренней собранностью, которая приходит, когда понимаешь, что что-то случилось. Рядом с ним проснулась женщина. Днем она легла рядом будто заодно и без особой причины. Просто присела, закрыла глаза и сон забрал ее вместе с ним. Сейчас она приподнялась на локте, шурясь от света, еще не до конца проснувшись.

— Ты слышал?

Велебор уже был у двери.

— Останься здесь, — бросил он.

Толкнул дверь и выскочил на улицу.

Велебор выскочил из дома, словно его толкнули изнутри. Крыльцо он перелетел одним махом, не касаясь ступеней. Меч в руке оказался раньше, чем пришла мысль. В груди стояла пустота, а в голове гул, и несколько мгновений мир перед ним существовал как нечто расплывчатое, несобранное, будто глаза видят, а смысл еще где-то опаздывает. Он увидел часть чего-то огромного, заслоненного соседним домом. Плечо, а выше голову. И в этой голове — глазницы, что светятся белесым холодом. Это была какая-то неподвижная тяжесть, которая при этом двигалась. И в эту неведомую тварь уже летели стрелы. Велебор знал эти стрелы. Не по рассказам, а по тяжести в животе и по тому ощущению, когда сразу становится ясно: сейчас должно что-то случиться, и ничего простого тут не будет.

Первая стрела догнала верзилу, столкнулась с ним... и отскочила с сухим, звенящим звуком, словно натянули и тут же отпустили толстую железную струну. Она витиевато крутанулась в воздухе, жужжа как очень шумная пчела, и, будто сама не поняв, что произошло, шлепнулась на крышу дома Нокпина. То ли крыша, то ли стрела испустила шипение, а затем повалил

дым как если бы кто-то раскурил трубку. Мгновение спустя огонь уже пополз по крыше, как ручей по камням.

Вторая стрела врезалась касательно. Верзила двигался. И это было самым неправильным во всей картине. Подобная масса не должна быть такой ловкой. Стрела чиркнула по нему, сорвалась. Верзила поймал ее рукой.

Он обхватил ее, как ветку, и поднес к глазницам. Некоторое время рассматривал вблизи, будто человек со слабым зрением. Стрела пыталась поджечь его руку, но лишь беспомощно шипела и постепенно угасала.

Верзила отбросил ее в сторону, не глядя, и она угодила в корыто с водой.

Шипение повторилось, но на этот раз громче, и вода в корыте начала бурлить.

Все это Велебор видел на бегу. Не складывая увиденное в смысл, не подбирая слов. Он еще не понимал, что именно происходит, зачем, почему и как вообще такое может быть. Перед ним была только картина — тяжелая, ломающая привычный порядок. И от нее тянуло тем самым холодом, который всегда приходит раньше понимания. В этот момент третья стрела почти попала верзиле в голову.

Снова тот же звонкий звук и стрела, сделав короткий нелепый зигзаг, отскочила за каменную спину. Велебор на бегу отпрыгнул в сторону. Иначе стрела вонзилась бы ему в бок. Вместо этого она глубоко воткнулась в землю уже позади него, с коротким злым звуком. Древко дрожало. Мелко, почти незаметно. Велебор остановился лишь мгновение спустя и выдохнул:

— О...

С тем редким сухим удивлением, которое приходит, когда понимаешь: да, и так тоже бывает. Он поднял взгляд на верзилу и крепче сжал рукоять меча. Те, кто все это видели, были удивлены и напуганы. Удивление было глухим, вязким будто привычный порядок дал трещину. Стрелы не причинили верзиле никакого вреда. Ни крови, ни крика, ни даже шага назад.

Он просто стоял. И этого уже было достаточно, чтобы у людей в головах что-то тихо, но окончательно сдвинулось со своего места. Велебор тоже ждал исхода. Несчастливого, не легкого, а просто конца. Он почти физически почувствовал тот миг, когда все должно было оборваться: тварь должна была рухнуть, тяжесть осесть, а угроза исчезнуть. Но этого не случилось. И в груди у него что-то холодно провалилось, будто он шагнул туда, где ожидал твердую землю. Он видел, как Бэо Тункилс, все еще не до конца понимая, что именно пошло не так, спрыгнул с крыши сарая. Прыжок вышел неловким, торопливым. Не таким, как у человека, уверенного в результате. Лучники тоже стояли растерянно, словно их на миг подменили. Они знали, что сделали все правильно. А мир тем временем ответил иначе. Тем не менее они сбросили варежки. Толстые, грубые, они дымились, как сырая трава. Падали на землю и продолжали тлеть.

Затем лучники брали новые и натягивали их быстрыми, умелыми движениями. Бэо Тункилс, показав на свое лицо, дал одному из лучников команду. Тот кивнул и выждал мгновение, ловя цель. Стрела пошла не прямо, а с упреждением. Зная, куда сместится голова верзилы за миг до того. Это был выстрел человека, который стреляет не в тело, а в будущее движение противника. Стрела рассекла воздух, словно лезвие, и ударила верзилу в переносицу. Она отскочила, как и остальные, и исчезла из взгляда Велебора где-то в стороне.

Но на этот раз верзила пошатнулся. Не сильно, а как если бы в глаз попала оса.

Он повел головой, отмахнулся рукой, и в этом движении появилось что-то новое: недовольство и злость. Верзила сделал два быстрых шага к отряду и махнул рукой. Не ударил, а именно махнул. Широко, не выбирая цели, наотмашь. Так отмахиваются от собаки, которая бросается, путается под ногами, шумит, но по-настоящему не угрожает. Щиты приняли удар первыми и, дерево треснуло. Людей разбросало: кто упал, кто отлетел, кто успел отступить на шаг и потому устоял. Железо звякнуло, поднялась пыль, кто-то крикнул от боли. В этот миг Велебор заметил, как кто-то идет к нему сбоку. Это был парень из кузницы, с молотом.

— Хм, — протянул он. Подошел ближе, присел и стал разглядывать стрелу, торчащую из земли. Она все еще светилась, словно угли в костре. Парень протянул руку, чтобы коснуться ее.

— Не нужно, — одернул его Велебор.

Парень медленно убрал руку, все еще глядя на стрелу.

— Не берет... Хм. А чем мы обычно бьем камень?

Велебор понял, к чему тот клонит.

— Не думаю, что это поможет.

— Ты ведь не пробовал, — бодро сказал парень, поднялся и пошел в сторону верзилы. Тот в это время осматривал лица воинов из отряда. Будто предупреждал: если еще раз ткнете этим мне в лицо, то ударю по-настоящему.

Велебор взглянул на парня, вышедшего вперед. В нем теперь был весь тот накал, что копился до этого, и он искал выхода.

Велебор нахмурился.

— Стой!

И рванул следом. В таких порывах всегда есть одна и та же ошибка: кажется, что успеешь, что если вложить в удар все тело, он вдруг станет исходом. Но парень уже подбежал. Он извернулся всем телом и ударил туда, куда смог — в пятку. Удар вышел чистый, честный, со всего маху. Но от него пошла дрожь, от которой заныли руки и зубы. Словно удар отозвался в самих костях. Как если бы ударил не ты, а тебя. Парень дернулся, невольно разжал пальцы, и на лице его мелькнуло удивление. Словно удар отозвался в самих костях. Как если бы ударил не ты, а тебя. Парень дернулся, невольно разжал пальцы, и на лице его мелькнуло удивление. В тот же миг Велебор сшиб его с ног. Парень рухнул, молот глухо ударился о землю, и они оба покатались в пыль. В этот момент мимо них пронеслась рука верзилы. Воздух тяжело и низко свистнул за ней.

— Да отпусти ты меня, — буркнул парень сипло, потому что в груди было тесно и страшно. Велебор его уже не держал.

— Иди домой, — сказал он, вставая на ноги.

Парень не стал спорить. Он вскочил, схватил молот, будто тот еще мог что-то исправить, и, не оглядываясь, побежал прочь. В сторону домов, туда, где все еще можно было спрятаться за привычными стенами.

Велебор остался.

Он быстро огляделся, почти равнодушно, как человек, который понял: ждать больше нельзя. Это не могло продолжаться. Ни криками, ни стрелами, ни отмахками. Нужно было что-то сделать. Хоть что-нибудь, что сдвинет дело с места. Он залез на перевернутую телегу, так, чтобы его было видно.

— Эй! — крикнул он. — Чучело...

Голос его разрезал воздух. Верзила сперва не реагировал. Он снова медленно зашагал, будто говоря: мне сейчас не до тебя. Велебор не замолчал. Он стоял, чувствуя, как телега под ногами поскрипывает и как все внутри него собирается в тугую струну.

— Эй, ты! Образина собачья.

И тогда взгляд верзилы скользнул. Сперва мимо. Потом обратно. И остановился. Глазницы, те самые белесые, холодные провалы, уставились на Велебора так же, как некогда на старуху. С той зоркостью, от которой хочется сделать шаг назад. Но некуда. Верзила шагнул ближе. Его лицо приблизилось, стало огромным, почти вплотную, заслоняя все остальное. Велебор видел трещинки, тени, неподвижную тяжесть этого облика и понимал: его осматривают.

Не как врага. Не как цель. А как вещь, подлинность которой еще нужно проверить. Рука верзилы медленно потянулась к нему. Не для удара. Так тянутся к чему-то сомнительному: потрогать, убедиться, существует ли оно на самом деле.

Велебор пока не сходил с места. Только левую ногу отвел назад. Едва заметно, как ставят ее перед побегом. Он чувствовал под собой телегу, чувствовал воздух и тяжесть чужого внимания, медленно сгущающуюся вокруг. Пальцы верзины приблизились. Не резко. Они сомкнулись вокруг того места, где он стоял, почти ласково, словно хотели взять что-то хрупкое, чтобы не раздавить. В этом жесте не было злобы. Именно это делало его особенно странным. Такое было Велебору не по нутру и он ушел. Резко, но без суеты. Спрыгнул с телеги, перекатился по сухой земле, удерживая меч так, будто тот был продолжением руки, а не отдельной вещью. Пыль взметнулась, осела на губах, на щеке, но он уже был в стороне. Верзила снова потянулся. Тогда Велебор ударил. Меч пришелся по пальцам. Не врубаясь, не пробивая, а встречая сопротивление, плотное и чуждое. По рукояти прошла дрожь, короткая и тяжелая, как напоминание: здесь нельзя забываться.

Верзила отдернул руку. Не резко, а скорее с удивлением, будто проверка дала неожиданный ответ. Велебор отскочил еще дальше, уходя в круг и смещаясь, не теряя из виду ни лица, ни рук. Он не бежал. И не давал себя взять. Это был не танец и не бой, а скорее осторожное движение вокруг чего-то опасного и непонятного, где каждый шаг имел значение, а остановка могла стать роковой. И другие не остались в стороне. Не столько из храбрости, сколько из того тупого, упрямого чувства, которое приходит после унижения как после пощечины. Пусть даже такой: широкой, безличной, нанесенной не рукой, а самой тяжестью происходящего. Один из воинов шагнул вперед и метнул копье. Оно ударилось о спину верзины. Древко хрустнуло, надломилось у самого наконечника, словно серп наткнулся на булыжник. Железо бессильно звякнуло и упало на землю вместе с обломками. Сразу ненужное, жалкое. А верзила даже не обернулся.

Зато ускорил руку. Именно ускорил, будто до этого лишь медлил. Движение стало другим: не широким, не ленивым, а направленным. Он тянулся к Велебору так, как хищник тянется к кролику: не когтями, не чтобы рвать, а мягкой частью лапы, чтобы прижать, почувствовать, удержать. Без ярости.

Но с уверенностью, что добыча никуда не денется.

Когда Велебор это понял, он побежал вдоль домов. Туда, где улица сужалась, где стены могли сыграть свою роль. Он бежал не от страха, а по необходимости: сейчас это было единственное движение, которое имело смысл. Как он и ожидал, верзила пошел за ним. Сначала не спеша, но уже выбрав цель. Велебор ускорился. Верзила тоже. В какой-то миг это стало бегством. Но бегством, в котором Велебор сам выбирал путь. Он влетел в дым. Верзила просто начал идти быстрее. Кровля дома уже всю горела. Густой дым стелился низко: ветра не было. Он лежал над землей, как тяжелая ткань, резал глаза и забивал горло. Велебор нырнул в него и на мгновение исчез. Дым принял его, скрыл, смял очертания. Потом выпустил уже с другой стороны. Верзила потерял его всего на миг. Но этого хватило. Велебор уже был у коня. Быстрого, нервного, всегда готового либо унести хозяина от беды, либо, наоборот, примчать его туда, где беда уже ждет. Конь фыркнул, напрягся, собрался. Велебор вскочил в седло одним махом. Он хотел окликнуть верзилу, но тот нашел его сам. Взгляд и сразу рывок. Такой, какого не ждешь от этой массы, от этой каменной тяжести. Земля под его шагом дрогнула. В тот же миг Велебор со всей силы пришпорил коня. Конь сорвался с места. Рука верзины прошла совсем близко, а воздух сжался, хлопнул, но не сомкнулся. Велебор ушел. Он мчался, уже не оглядываясь, наклонившись вперед, помогая коню набрать ход. Рука крепко сжимала рукоять меча. Позади глухо и тяжело шагало преследование. Конь несся во весь опор, вытягиваясь, как струна. Земля мелькала. Кочки и ямы сливались в одно вязкое пятно. В ушах стоял не стук, а ровный гул. Тот, от которого мысли становятся короткими. Тяжелые шаги все еще были рядом. Велебор не оглядывался. Он знал: стоит оглянуться и внутри что-то дрогнет. А дрогнуть сейчас значило отдать себя. Он только сжался внутри, будто зажмурился, и положился на другие чувства.

Деревня осталась позади. Он понял это по тишине. Исчезли крики, звон железа, треск огня. Воздух стал другим. И тогда, на полном скаку, между ударами сердца, в голову пришла ясная мысль:

С деревни я его увел. А что дальше?

Он не знал тропы, где можно спрятаться от такого. Не знал оврага, который удержал бы камень, если тот решил ходить. Лес впереди казался не укрытием, а просто другим местом, где все повторится. Верзила не устанет. А конь уже хрипел, выбрасывая горячий воздух. Велебор чувствовал затылком, как рука тянется к нему. Еще не касаясь, но уже примеряясь. От этого он все торопил коня. Хотя, казалось бы, куда еще быстрее. Впереди стояло кукурузное поле. Высокое, темное даже днем. Велебор знал: за ним есть река. Мысль пришла не как план, а как надежда, которой не доверяют, но за которую все равно хватаются:

А если его утопить?

У верзилы, похоже, был свой план. Он пытался схватить уже не всадника, а коня. Конь, ведомый теперь больше собственным ужасом, рванул еще быстрее и выскользнул из кончиков пальцев. Верзила недоуменно качнулся.

Но вторая попытка оказалась точнее.

Когда Велебор уже поравнялся с краем поля и сквозь гул крови начал различать журчание реки, каменные пальцы все же схватили ногу коня. Мир тут же потерял равный вес. И Велебор вылетел из седла. Земля встретила его жестко, но не насмерть. Он успел как-то сам собой, не думая, перекатиться, поджать плечо, сохранить в руке меч. Все произошло быстрее мысли. Быстрее страха. Он вскочил почти сразу и рванул, не оглядываясь, прямо в кукурузу. В ее шорох и тесноту. Позади него верзила убивал коня.

Кукуруза сомкнулась вокруг. Стебли хлестали по плечам и груди, будто не пускали. Цеплялись за рубаху, тянули назад. Листья шуршали у лица, били по глазам. И тут Велебора догнала боль. Не острая, а тупая и тяжелая. Нога начала предательски отдавать при каждом шаге, словно в сапоге мешало что-то острое. Он выругался коротко, сквозь зубы. А позади что-то случилось.

Верзила не вошел в поле. Он ворвался.

Стебли ломались с таким хрустом, будто их не гнули, а рвали. Початки летели, ударяясь о землю и друг о друга. Кукуруза там, сзади, не шумела. Она взрывалась. Велебор бежал как мог, на остатке дыхания. Потом резко шмыгнул в сторону, перестав держать прямую. Сделал крюк, потом еще один, уходя вбок, как заяц, который знает: по прямой его возьмут. Он хотел потеряться. Если не исчезнуть, то хотя бы смешаться с этим полем, с его шорохами и одинаковостью. Выиграть миг. Перевести дух. Собрать голову обратно. Понять, что делать дальше.

Но мысли не поспевали за грохотом. Кукуруза продолжала рушиться. Тяжелые шаги били в землю так, что отдавалось в груди. Это было не бегство и не погоня, а наглое движение силы, ломающей все на своем пути. От глаз здесь можно было спрятаться. От массы — нет. И все же Велебор начал замедляться. Не разумом, а телом. Будто в нем щелкнуло что-то древнее, звериное: чем быстрее он рвется сквозь кукурузу, тем громче она его выдает. Каждый рывок как крик. Каждый шаг как жест рукой: вот я, здесь. Он сбавил ход и почти сразу перестал бежать. Дальше двигался медленно и плавно. Переступал, шупая землю, раздвигал стебли, не давая им раскачиваться, не позволяя листьям шуршать. Он не шел по кукурузе. Он пытался слиться с ней. Стать одним из этих ломких, сухих тел, стоящих рядами.

Верзила пронесся мимо. Не рядом, но достаточно близко, чтобы это почувствовать и услышать. Потом, уже в стороне, кукуруза снова взорвалась. Верзила косил ее и отбрасывал, будто цель все еще бежала и он вот-вот ее схватит. Шаги стали тише. Потом реже.

Вскоре он остановился. Где-то впереди, среди стеблей, верзила стоял и шарил взглядом. Белесые огоньки в его глазницах двигались, скользили по полю, по листьям, по початкам холод-

ным светом. Он не метался. Он искал. Медленно и терпеливо. Так ищут вещь, которую куда-то положили и не могут вспомнить куда.

Тем временем нога Велебора подвела его в пух и прах. Он глупо споткнулся. Не о корень даже, а о собственную слабость. Рухнул на спину, между грядок. Воздух выбило из груди без звука. Боль в ноге горячо вспыхнула так, что на миг потемнело в глазах. Меч выскользнул из руки. Велебор даже не услышал, как тот упал. Лишь потом увидел его лежащего чуть дальше, чем могла дотянуться рука. Совсем рядом.

И в то же время уже не достать. Велебор перестал двигаться. Лежа на спине, он уставился в небо между листьями и затаился. Дышал так мелко, что сам не был уверен, дышит ли вообще. Грудь почти не поднималась. Сердце билось глухо, будто его обмотали тряпками. Неподалеку, среди кукурузы, белесые огоньки продолжали шарить.

Велебор смотрел на меч. Тот лежал чуть в стороне, между стеблями. Лезвие поймало последние остатки дня, и в этом холодном отблеске Велебор заметил щербину. Маленькую, неровную. Будто не скол, а след. Камень встретил сталь. Сталь не сломалась, но запомнила тот миг, когда Велебор рубанул по пальцам верзилы.

Жаль меч.

Глупая мысль. Ни ко времени и ни к месту. Но она пришла и осталась.

Боевая отметина. Не песня и не рассказ у костра, а настоящая. Такая, что не врет. Такая, что остается, даже если сам не захочешь помнить. Тем временем воздух темнел. Будто исподволь. Листья кукурузы становились темнее самих себя. Солнце клонилось, почти касаясь края земли и это Велебору не нравилось больше всего. В темноте вещи перестают быть тем, чем кажутся. И мысли тоже. А рядом шарило это чучело, которому дали ноги. Верзила двигался медленно, почти лениво. Но в этой медлительности было больше угрозы, чем в любой спешке. Он приближался. И само поле будто сжималось, становясь теснее. Велебор замер. А затем он сам того не сознавая осторожно начал подтягивать к себе жухлые стебли. Сухие и ломкие. Они зашуршали бы, если бы он позволил. Но он не позволял. Он укрывал себя ими, как мог. Накрывался этой осенней мертвотой, стараясь стать ее частью.

Прижимался к земле. Хотел слиться с ней. И ему казалось: еще миг и его заметят. Что вот сейчас тяжелая рука опустится или белесые огоньки остановятся на нем. И все закончится.

В тот самый миг он сделал что-то стыдное и неловкое. Он положил на лицо сухой стебель. Не накрылся, а просто приложил, как прикладывают ладонь ко лбу, когда болит голова. Глаза не закрыл. Будто понадеялся на простую, детскую наивность: если спрятать лицо, значит и тебя самого будто нет. Словно кто-то и вправду поверит в такую маленькую хитрость.

Велебор смотрел. Белесые огоньки в глазницах верзилы начали тускнеть.

Потом мигнули. Раз, другой. И на миг, всего на один они погасли. У Велебора внутри что-то сжалось. Огоньки вспыхнули вновь, но уже не так, как прежде. В них не было той уверенной силы. Они дрогнули, словно пламя на ветру. Снова мигнули. И верзила вдруг пошатнулся. Не упал, но его массивное тело на мгновение лишилось того, что держало его собранным. И огоньки погасли совсем. Велебор нахмурился.

Он лежал, прикрытый сухим стеблем, и не дышал. Не от страха даже, а от какого-то замороженного недоумения. Он видел все это ясно, как видят редкое явление, которое не объяснить словами. Тело верзилы накренилось, будто его покинула воля. Велебору показалось: еще немного и эта каменная громада рухнет, тяжело и бессмысленно. Но нет. Глазницы вдруг снова зажглись. После этого верзила выпрямился. В нем больше не было ни поиска, ни злости, ни интереса. Он просто развернулся и пошел туда, откуда пришел. Шел торопливо, как тот, кто вдруг вспомнил о более важных делах. А Велебор остался лежать в кукурузе, глядя ему вслед. С жухлым стеблем на лице. Со странным чувством внутри, пока тяжелые шаги удалялись.

Сперва Велебор напряг шею, будто проверяя, осталась ли она в его власти. Он хотел увидеть, куда пошел верзила. Не обратно ли в деревню. Но сил подняться не нашлось. Тело

будто решило за него: хватит. И он лежал между грядок, как забытый плуг. Опустил голову обратно в стебли и мысленно махнул рукой.

Вроде не в деревню. Тогда и скатертью тебе дорога.

Он чувствовал себя как после долгой тяжелой работы. Или как после болезни, когда силы вроде есть, но они не слушаются. Хорошо, что сейчас его никто не видит. И только он об этом подумал, как услышал лошадей и крики:

— Велебор!

Голоса были знакомые. Это Бэо Тункилс и Яромир. Велебор кашлянул, будто отряхивая себя изнутри. Потом сел, морщась от боли, но уже без прежнего жгучего отклика. Нашупал меч, поднял его, затем поднялся сам.

Тяжело выдохнув, он поплелся между кукурузой на голоса. Стебли расступались неохотно. Шуршали за спиной, будто говорили о нем что-то свое. Солнце почти скрылось. Воздух стал холоднее. Возле убитого коня стояли Яромир, Бэо Тункилс и еще двое воинов. Их кони держались в стороне, словно не желая видеть мертвого.

Когда показался Велебор, все разом посмотрели на него. Как на человека, который должен что-то сказать.

— Я в порядке, — сухим ртом сказал Велебор. Слова повисли в воздухе.

Он стоял перед ними целый, на ногах, без крови. Это и так было видно. Но их немой вопрос был не о нем.

Яромир осмотрел отца с ног до головы.

— Ты что... — спросил он смело и вместе с тем будто сомневаясь. — Прятался? Ты спрятал себя в кукурузе?

Велебор посмотрел на него ровно.

— А где был ты?

— Довольно, — сказал Бэо Тункилс. Не грубо, но твердо.

Он указал на двух воинов у себя за спиной и сказал Велебору:

— Мы думали проследить, куда эта тварь уходит, но...

Он замолчал, давая им договорить.

— Уже стемнело, — сказал один из воинов. — И эта тварь очень быстро ходит. Мы почти сразу потеряли ее из виду...

Велебор кивнул. Немного подумал, как это сказать, и произнес:

— Он меня потерял. А потом будто вспомнил что-то другое.

— Не он тебя потерял... — почти сразу сказал Яромир, уже не скрывая упрека. — ... а ты спрятался.

Бэо Тункилс кашлянул. Так кашляют, когда хотят напомнить о вежливости.

Но Яромир все равно продолжил:

— А воин не прячется.

Больше он ничего не сказал. Велебор ответил спокойно:

— Он не воин. И это был не бой.

Яромир фыркнул и рывком отошел от отца, будто обжегся о печь. От заката осталась лишь узкая полоска света как последний ломоть хлеба на столе. Яромир смотрел на нее, пытаясь перевести дух и понять, сколько еще осталось времени, прежде чем тьма окончательно сомкнется.

IV. Совет

Воду выплескивали уже с силой, будто она цеплялась за железное нутро ведра и не хотела покидать его. В полете, на короткий миг, она становилась тонкой и хрупкой как зимняя льдинка на краю реки и, тут же рушилась вниз, на огонь. Это был уже не тот яростный огонь, что приходит широко и с треском. Остались лишь его мелкие остатки. Упрямые и злые.

Вода падала, темнела, шипела. Где-то пламя отступало сразу, где-то еще цеплялось, где-то продолжало жевать дерево, пока не захлебывалось окончательно. Нокпинай выплеснул ведро и решил, что больше не будет. Черная вода стекала по обугленным бревнам. По тому, что еще утром было крышей. Потом все это рухнуло вниз жжеными головешками, и от дома остался лишь дымящийся остов. Супруга с дочерью пока жили в городе и не видели всего этого кошмара. Нокпинай стоял с пустым ведром и смотрел на свой дом. Точнее, на то, что от него осталось. Без жестов, без крика, без слез. Несколько жителей деревни, помогавших тушить огонь, стояли рядом. Пахло гарью, мокрым деревом и страхом. Один мужчина положил ладонь на плечо Нокпинай в знак поддержки. Нокпинай благодарно кивнул ему, не найдя слов. Мужчина взял женщину за руку, и они, забрав свои ведра, поспешили по делам. Нокпинай же свое ведро отбросил в сторону как бесполезное. Огня больше нигде не было. Он смотрел на это жалкое зрелище и, конечно, понимал: дом можно поставить заново. Понимал ясно, без обмана. Но то, что лежало перед ним сейчас, не было просто грудой дерева и золы. Это были не просто стены. Это было место, где вещи знали свои места. Где шаги ночью не будили, потому что доски помнили вес. Где дым шел как надо и где тишина была своя, не пустая.

Дом ведь не сразу становится домом.

Он становится им годами. Вбирает в себя разговоры, ссоры, смех, запахи, привычки. Знает, где скрипнуть, а где промолчать. И все это теперь лежало перед Нокпинаем. Не просто сгоревшее. А будто вырванное из него.

И в этом молчании особенно ясно было одно: новый дом можно построить. А этот — нет.

Послышался топот копыт. Не тревожный, не резкий, а усталый. Так возвращаются не с победой и не с поражением, а с чем-то между. Всадники показались из темноты. Впереди один конь, и на нем двое. Бэо Тункилс спешился. Быстро, уверенно как человек, который еще держит себя в руках. Он протянул руку Велебору.

Велебор слез сам, ступив на землю осторожно, будто сначала спросил у ноги. Та позволила, нехотя, с болью, но позволила. Злата, супруга, что спала с Велебором днем, увидела его сразу. И резко выдохнула словно все это время держала воздух в груди. Подошла быстро, почти неловко, и обняла. Крепко, обеими руками, прижавшись лбом к его плечу. Велебор неловко положил ладонь ей на спину, чувствуя, как под ней дрожит дыхание. Слов не находилось у обоих. Говорить было неловко будто громкий голос мог вернуть того, кто ушел. Деревня стояла после удара. Не разрушенная, но сбита с толку. Страх не ушел вместе с верзилой. Он просто сменил место.

Раньше он был снаружи: в тяжелых шагах, в белесых глазницах, в том, как ломались стрелы и трескался щит.

Теперь он был внутри. В молчании между словами. В том, как люди избегали смотреть друг другу в глаза. Будто боялись увидеть там вопрос, на который не готовы ответить. Каждый чувствовал это как чувствуют холод, когда он еще не кусает, но уже пробирается под одежду.

Воины, принявшие удар, не спорили, не хвастались, как это бывает после обычной драки. Они молчали. Их молчание было не о боли, а об унижении. Тяжелом, как камень, который несешь и не можешь сбросить, потому что не знаешь куда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.